

элемент сознательности и критического отношения в свои убеждения. Это отнюдь не будет противоречить твердости и устойчивости взглядов. Необходимо, чтобы стремление к служению истине не заглушало бы окончательно стремления к познанию истины, чтобы люди никогда не довольствовались тем, что имеют, ни с точки зрения глубины, ни с точки зрения объема их «знаний». Необходимо, чтобы они обладали мужеством мысли, умели бы правде в глаза смотреть. Необходимо, чтобы они были всегда готовы принять истину, где бы они ее ни обнаружили, кто бы ее ни открыл; чтобы они умели подойти к каждому мнению, каждому убеждению, принадлежащему даже самому посредственному, самому маленькому человеку с терпимостью, уважением и вниманием, ибо в мнении даже маленького человека может иной раз оказаться крупница истины и, может быть, очень ценная: ведь и маленький человек «по образу и подобию Божьему создан».

И вот, так как на нас лежит долг быть полноценными борцами за торжество истины на нашей грешной земле, мы обязаны все эти качества непрестанно и неустанно развивать в себе и друг в друге.

С. Попандопуло.

„О младоросской идеологии“

(брошюра К. Елита-Вильчковского).

Жизнь это — движение. Все живое развивается, растет. Не может стоять на месте и младоросская мысль. Наиболее ярким ее выражением за последнее время, бесспорно, является работа К. Елита-Вильчковского «О Младоросской Идеологии». Эта работа не только обогащает мир младоросских идей, но и сообщает младоросской мысли могучее поступательное движение. Вот почему хотелось бы отнестись к ней не только с жадной любознательностью, но также и с осторожным скептицизмом: «Семь раз отмерь, один раз отрежь», учит Русская пословица. Живая мысль нуждается в критике, — этим мы и попытаемся заняться.

Младоросская идеология, говорит К. Елита-Вильчковский, «хочет будить и направлять живую мысль, а не подменять ее готовой формулой. Она приветствует индивидуальное преломление своих основных идей, потому что именно через него она обогащается. Чем разнообразнее будет это индивидуальное преломление, тем многограннее будет младоросская идеология, тем шире будет охват. И, поскольку принятие основных идей обуславливает внутреннее единство младороссов, многогранность не будет порождать разногласию: в многообразии будет созвучность. Совершенно так же, как развитие основных идей не может быть, с младоросской точки зре-

ния единообразным и общеобязательным, так же не может быть единообразным и общеобязательным и обоснование этих основных идей. Для младороссов существенно самое приятие этих идей, а не тот путь, который привел к этому приятию. Младоросская идеология тем самым не покушается на духовную свободу младороссов».

Все то, что по самому существу своему может быть достоянием только лишь веры, недоказуемо и непроверяемо. Однако, всюду, где обоснование возможно, а поэтому и необходимо, разномыслие не представляется нам допустимым, ибо основано, как нам кажется, на некотором недоразумении. Вот о таких и только лишь о таких положениях, мы и собираемся говорить. Заметим еще, что поэтический стиль, избранный К. Елита-Вильчковским для изложения основ младоросской идеологии, зачастую сглаживает очертания его мысли, сообщает ей некоторую расплывчатость, туманность. Во всех случаях, когда поэзия изложения затрудняет понимание текста, мы решили истолковывать его, пользуясь тем впечатлением, которое у нас возникло и окончательно окрепло в результате внимательного и многократного чтения работы.

И вот, основываясь на этом впечатлении, мы утверждаем, что этический элемент как бы отсутствует в работе К. Елита-Вильчковского. А между тем, жизнь этична, — подчинена стремлению к высшим целям. Эти цели указывают смысл жизни; эти цели не только определяют назначение тех или иных общественных явлений и всего общественного процесса в целом, но и устанавливают в человеческом общежитии понятия ценности и иерархичности. Подчинение жизни высшим целям есть вполне реальный факт, такой же реальный, как и факт целеустремленности человеческого творчества. Вне созерцания этих целей понять смысл жизни, как отдельных людей, так и всего общества в целом, невозможно. И, однако, этим целям К. Елита-Вильчковский уделяет в своей работе слишком мало внимания. Неудивительно поэтому, что он считает идеальными те положения, которые выражают всего лишь нормальные обстоятельства живой природы, вне их связи с идеей добра, вне их служебного, по отношению к добру состояния. Отсутствие в его работе всепоглощающего выражения основной правды жизни приводит к тому, что многие положения, являющиеся производными от этой правды и не имеющие самостоятельного смысла, а иногда и существования, приобретают у него значение основных истин, — «вещей в себе». Таков по нашему мнению основной недостаток работы К. Елита-Вильчковского. Приведем несколько наиболее разительных примеров.

«В мире нет ничего неподвижного и неизменного, — говорит К. Елита-Вильчковский, — все эволюционирует. Каждый предмет имеет свое прошлое и свое будущее, и его сегодняшняя форма переходяща. Каждое явление есть лишь этап процесса. В мире нет ничего «самостоятельного», не связанного с окружающей средой, не подчиненного воздействию окружающих предметов. Все в мире есть часть какого то целого, все участвует в каком то процессе. Наблюдая это взаимодействие вещей, их изменение во времени, их различие в отношении к целому, различие их функций в процессе, младороссы

утверждают неравенство вещей и, тем самым, их неравноценность». Неравенство вещей есть факт вполне очевидный; более того, идея равенства всегда более условна и потому менее понятна, чем идея неравенства; ведь и либеральное равенство есть лишь равенство прав и ничего общего с утверждением равенства самих людей не имеет. Но каким образом на основании неравенства вещей можно утверждать их неравноценность? Что такое ценность вещи и почему вещи могут быть неравноценными? Понятия ценности и неравноценности не самостоятельны, это понятия производные, они являются следствием целеустремленности, они порождаются понятиями — цель и служение. Вещь обретает ценность только лишь в служении; ценность вещи выражается той пользой, какую она приносит целеустремленному процессу, — той цели, которой она служит. Ценность же сама по себе, как некая «вещь в себе», — бессмыслица!

«Каждая вещь, — говорит далее К. Елита-Вильчковский, — определяется не только количественным признаком, не только поддающимся цифровому выражению данными, но и признаком качественным». Понятие количества рождается при сопоставлении однородных вещей. Понятие количества имеет свое самостоятельное существование в сознании людей. Но что такое качество? Как и откуда оно появилось? Если под качеством вещей понимать их обыкновенные индивидуальные свойства, то стоит ли об этом говорить, особенно после утверждения о неравенстве вещей? Если же под качеством разумеется способность приносить пользу в служении, способность участвовать в целеустремленном процессе, то ясно, что понятие качества не имеет самостоятельного смысла, что этому понятию должны предшествовать цель и служение ей, идеал и порыв к нему. Правда, К. Елита-Вильчковский указывает, что «качество предмета определяется не только его материальными свойствами, но и той или иной человеческой оценкой на основании подходов этических, утилитарных или эстетических». Однако, такое утверждение не позволяет выяснить, является ли качество понятием производным или же самостоятельным, — «вещью в себе». Но поскольку основных целей жизни К. Елита-Вильчковский в своей работе почти не касается, создается впечатление, что качество имеет, по его мнению, свое собственное, независимое значение. С этим мы не можем согласиться.

Те же сомнения возникают и далее, когда К. Елита-Вильчковский переходит к понятию иерархичности: «Но, утверждая неравноценность вещей, младороссы утверждают также и известную иерархичность». Сомнения не рассеиваются и последующими рассуждениями автора: «Ценность вещей определяется младороссами не только их природными данными, т. е. потенциальными возможностями, в них заложенными, но и тем фактическим местом, которое данная вещь занимает в мире, той функцией, которую она выполняет». «Ценность предмета — его иерархическое место определяется, — следовательно, не только его природными данными, но и его исторической организационной функцией, его служебной ролью в отношении высших ценностей». Природные данные вещей, или же потенциальные возможности в них заложенные, не являются ценностями сами по себе, ибо,

как мы уже указывали, понятие ценности не имеет самостоятельного существования. Опять создается впечатление, что, по мнению автора, органическая функция вещи, ее служебная роль являются всего лишь мериллом ее ценности и ее иерархического места, — мериллом, но не источником. И это впечатление не представляется нам случайным: ведь если бы К. Елита Вильчковский думал иначе, то как мог бы обойти почти полным молчанием ту цель, которая обуславливает возникновение идеи служения, а следовательно и таких понятий, как ценность, качественность, иерархичность?

Поясним наше собственное мнение на примере, пусть несколько наивном, но зато вполне актуальном. Цель армии — победа над противником. Эта цель является источником, а одновременно и мериллом, как ценности отдельных воинских единиц, так и их иерархического места. Предположим, что армия по каким либо причинам утрачивает свою боеспособность, утрачивает навсегда и без всякой надежды на ее восстановление. Спрашивается, что происходит с понятием ценности и иерархичности в применении к такой армии? — Эти понятия исчезают! Офицер и нижний чин становятся равноценными или, вернее, одинаково лишенными какой бы то ни было цены. Офицер и нижний чин уже не могут быть связаны узлами власти и подчинения, узлами воинской иерархии, если не считать естественного в жизни людей консерватизма психических состояний и, как следствие, консерватизма организационных форм.

Однако, вернемся к нашей теме. Идею персонализма К. Елита-Вильчковский определяет так: «Утверждение неповторимой индивидуальности человека, утверждение природного неравенства людей, утверждение высокой ценности человеческой личности, сознательной и ответственной, младороссы называют персонализмом».

То, что индивидуальность человека неповторима, ясно каждому; это было ясно даже большевикам времен военного коммунизма, ибо в противном случае они не применяли бы с таким азартом систему поголовного уничтожения своих противников. Ясно и то, что люди по своим природным данным не равны друг другу, в общем случае; это ясно даже либералам, которые провозглашают не природное равенство людей, но их равенство правовое, равенство возможностей. А вот утверждение высокой ценности человеческой личности требует уточнения. Мы много говорили уже о ценности вообще; повторим наш вопрос еще один раз: что это за высокая ценность человеческой личности и откуда она берется? Если личность человека есть высокая ценность всегда и во что бы то ни стало, то не следует ли разрушить тюрьмы и отменить смертную казнь? Нет, с высокой ценностью личности Каина мы не согласны! А если не все личности одинаково ценны, то надо указать критерий их ценности. С сознательностью человеческой личности можно, конечно, согласиться, но что надо понимать под ее ответственностью? За что и перед кем? Что собственно понуждает человеческую личность быть ответственной? Не нужно ли это ей самой, а если нет, то зачем такая ответственность? На все эти вопросы необходимо дать исчерпывающий ответ; в противном случае понятие персонализма оказывается безпредметным. Дело

в том, что понятие персонализма лишено самостоятельного смысла, не является «вещью в себе», но пронстекает из основной и абсолютной правды жизни. И отказ от уяснения этой правды естественно приводит к такому определению персонализма, которое основано не на выяснении его сущности, непосредственно вытекающей из основного смысла жизни, а на перечислении его внешних проявлений и наглядных свойств. Определение по признакам допустимо, когда сущность неуловима и определению не поддается. Однако, о персонализме этого сказать нельзя. А раз так, то мы должны искать другого определения: под персонализмом мы понимаем утверждение моральной сущности человека. Нужно заметить, что персонализм совсем не является синтезом между индивидуализмом и коллективизмом; наоборот, индивидуализм и коллективизм являются всего лишь грубыми и до предела односторонними искажениями персонализма, или же, другими словами, христианского понимания личности человека.

«Право на труд для младороссов, — говорит К. Елита-Вильчковский, — элементарное право всякой способной к труду личности. Всякая не способная к труду личность располагает другим правом: правом на социальную поддержку, правом на прожиточный минимум. Прокормление и воспитание малолетних, содержание престарелых, призвание больных и увечных дело не частной благотворительности, а общественного долга, и не только, принимая во внимание потенциальные возможности, заключенные в ребенке или больном, старые заслуги престарелых или увечных, а потому также, что, подобно организму биологическому, для духовного организма не может быть безразлична судьба каждой — полноценной или не полноценной — клетки».

Неужели же обеспечение слабых можно объяснить тем обстоятельством, что для духовного организма не может быть безразлична судьба каждой полноценной или неполноценной клетки?

Не говоря о том, что, по мнению самого же К. Елита-Вильчковского, «часть живой ткани не может жить вне организма» и «орган, переставший исполнять свою функцию, отмирает», все же такое оправдание помощи слабым представляется нам чрезмерно утилитарным и, в конечном счете, мало убедительным, хотя бы перед лицом модных в наше время идей о физическом оздоровлении населения.

То же самое можно сказать и по поводу рассуждений К. Елита-Вильчковского об эксплуатации: «Как здоровое развитие биологического организма подразумевает здоровое развитие всех органов и клеток, и организм не может работать без ущерба за счет своих частей, так и для здорового функционирования духовного организма обязательно здоровое развитие и моральная удовлетворенность его первичных клеток — личностей. Тем самым здоровый духовный организм не может развиваться за счет личностей, в него входящих, в ущерб им. Младороссы отрицают не только эксплуатацию человека человеком, но и эксплуатацию человека духовным организмом. Всякая эксплуатация в конечном итоге подрывает силы организма, истощает национальное здоровье и потому же может оп-

равдываться целесообразностью». Не в силах национального организма и не в национальном здоровьи дело. Поскольку нация есть духовный организм, объяснение надо искать в той правде, которой нация служит и которая указывает цели и сообщает смысл национальному бытию. И если духовное содержание нации определяется ее порывом к добру, если моральные ее представления основаны на любви, то и забота о слабых, и борьба против эксплуатации, все это является непосредственным результатом духовного состояния нации, а не каких либо соображений о целесообразности, хотя бы и высшего порядка.

Однако довольно. Приведенные примеры достаточно ясно подтверждают нашу мысль о том, что брошюра К. Елита-Вильчковского «О Младоросской Идеологии» упускает из виду то, что является первоосновой каждой идеологии, — правду жизни, цель жизни, назначение частного и общественного существования людей.

Несогласны мы и со взглядами К. Елита-Вильчковского на власть. «Духовные организмы, — говорит он, — обслуживающие ту или иную жизненную область, должны располагать в этой области свободой действий и нести ответственность за эту область перед высшим целям. Условием ответственности является власть. Но ответственным не формально, а практически может быть только личность и за данный объект ответственности одна только личность. Ответственность нескольких за одно и то же — значит безответственность. Многоначалие значит безначалие. Отсюда младоросский принцип елиноначалия». И далее: «Власть рождается только из ответственности, ответственной же может быть только личность. Верховная власть, т. е. верховная ответственность может принадлежать только личности».

Итак, по мнению автора приведенных строк, «власть рождается только из ответственности». С этим согласиться мы не можем. Основным источником власти является созидание, а не ответственность. Основной смысл власти состоит, прежде всего, в ее назначении созидать, а не отчитываться, хотя бы и перед своей же собственной совестью. Власть есть, прежде всего, явление творческое.

Заметим сразу же, что творчество и ответственность — вещи разные, и даже совсем разные. Это признает и сам К. Елита-Вильчковский: ведь творческое назначение он признает не только за отдельным человеком, но и за каждым многолюдным «организмом», в то время как ответственность считает достоянием одной лишь личности.

Творчество есть основная сущность служения и, согласно основной идеи служения, предшествует ответственности. Творчество имеет самостоятельный смысл и свое самостоятельное существование, в то время как ответственность всего лишь сопутствует творчеству, как бы рождается из него, и самостоятельного смысла и существования не имеет, — ответственность есть понятие производное по отношению к начальному понятию творчества. Творчество так относится к ответственности, как любовь относится к долгу. Творчество

есть содержание служения, а ответственность — только лишь форма. Творчество является положительным признаком служения, а ответственность — признаком отрицательным.

Власть есть органическая принадлежность человеческого общежития, принадлежность бесспорно необходимая и совершенно неустраиваемая. Жизнь человеческого общежития зиждется на идее служения, — это тоже факт неоспоримый. Власть является организующей служение силой. Спрашивается, — как можно понятие власти выводить из отрицательных, а не положительных признаков служения? Нам это не понятно.

Мы не можем также согласиться с возможностью отделения творческих задач от соответствующей им ответственности: «... ответственной же может быть только личность!» Творчество — есть достояние всех, а ответственность — удел одного! Нет, в служении творчество не отделимо от ответственности; творчеству неминуемо сопутствует ответственность, независимо от того, служит ли один человек, или же совокупность многих, — это ясно до полной очевидности. Другое дело, что в порядке разделения труда каждый член общества имеет свои обязанности и несет за них соответствующую ответственность, что и власть имеет тоже свои задачи и за них ответственна. Но принимая во внимание, что общество строится не только на началах разделения труда, но также и на началах сотрудничества, и что разделение труда есть всего лишь средство, способ по отношению к сотрудничеству, нельзя отрицать ответственности каждого за всех и всех за каждого, особенно в органически построенном обществе. Русская Нация отвечает сама за себя, отвечает и за каждого Русского, и не может переложить эту свою ответственность (взвалить свою вину) на одну какую либо личность, например на Монарха. Обратное, каждый Русский отвечает не только за себя самого, и не только за всякого другого Русского, но и за всю Русскую Нацию в целом: мы гордимся величием России, нам стыдно за ее грехи, и эта гордость, и этот стыд не «формальные», а вполне реальные и имеют вполне «практическое» значение. Одним словом, мы утверждаем неотделимость ответственности от творческих задач, от служения.

Одностороннее мнение, что «власть рождается только из ответственности» и что «ответственной может быть только личность» приводит К. Елита-Вильчковского к выводам совершенно странным, а именно, что верховная власть может принадлежать только лишь одному человеку, другими словами, что в демократическом государстве верховной власти нет! С таким выводом мы не согласны. Можно утверждать, что в государствах с демократическим строем власть обыкновенно не принадлежит самому народу, что народный суверенитет — химера, но совершенно нелегко отрицать наличие в демократических государствах таких общественных явлений, которым бы принадлежала верховная власть, другими словами, наличие самой верховной власти. С другой стороны, утверждение, что «власть рождается только из ответственности», естественно приводит к отказу от защиты монархической идеи, путем выявления ее творческо-

го смысла. И действительно, взамен указаний на творческие достоинства монархической власти, мы находим в брошюре «О Младоросской Идеологии» рассуждения сентиментальные, но мало убедительные: «Для природного Монарха власть никогда не цель, а только долг. Он Монарх не в силу желания или желания других. Он не борется за власть, он не возносится к власти: он принимает долг, который на него нисходит. Он от рождения отказывается от свободного распоряжения своей жизнью. И именно потому, что он сам, первый, только подчиняется долгу, подчинение ему естественно и добровольно. Признавая власть Монарха, подданные только включаются в его служение, ограничивая его властью свою свободу, они поступают сознательно и без ущерба для своего достоинства, потому что жертвуют часть своей свободой тому, кто, принеся Царскую присягу, сам пожертвовал всей своей свободой, отрекся сам от всех частных интересов и прав и только этой ценой стал символом общенационального служения».

Неужели Монарх становится «символом общенационального служения» и подчинение ему «естественно и добровольно» лишь потому, что «он от рождения отказывается от свободного распоряжения своей жизнью» и сам отрекается «от всех частных интересов и прав»? Вряд ли такого рода доводы будут достаточны, чтобы оправдать идею самодержавия перед лицом воистину необъятных творческих запросов Русского будущего, а тем самым и возродить ее в обновленной революционным лихолетием России. Нам думается, что нет. Выявление творческих сил и возможностей самодержавия — вот, по нашему мнению, основная задача монархической мысли.

В. Попандуло.